

Поздним вечером Альбус Дамблдор, чье имя звучало как волшебная формула, сидел в своем кабинете в Хогвартсе, склонившись над пергаментом. Взгляд его, мудрый и проницательный, скользнул к устройству наблюдения, установленному в доме Дурслей. Оно мигнуло, словно подмигнуло, и погасло. Брови Дамблдора нахмурились, словно тучи над горами. Он ждал, сердце его, спокойное, как озеро в безветренную погоду, все же билось в предвкушении. Минута прошла, две... Ничего. Дамблдор решил, что это просто ошибка, мелочь, не стоящая внимания. Но на кону стояла судьба волшебного мира, и он не мог рисковать. Завтра он наложит на дом Дурслей разочаровывающее заклинание, чтобы убедиться, что мальчик, чья судьба была так тесно переплетена с его собственной, находится там, где должен быть. Ему даже в голову не пришло, что сегодня у мальчика день рождения. ***Прошло несколько дней, и Гарри, окруженный магией и чудесами, сидел рядом с Мирддином, старым друидом, чья мудрость была неисчерпаема, как звездное небо. Мирддин рассказывал ему о Хогвартсе, школе волшебства, о четырех ее основателях, чьи истории были похожи на древние легенды. Он показывал Гарри маленьких кукол, изображавших основателей, оживляя их волшебством, и рассказывал о том, как Гарри станет наследником их великой силы. Вместе они смотрели на устройство, которое Мирддин называл "просмотрщиком времени", и видели истории, разворачивающиеся перед ними, словно картины, написанные волшебством. Мирддин рассказывал Гарри, каким он станет, каким он должен был стать, если бы не вмешался в ход времени. У него было много лет, чтобы обучить этого мальчика, но будущее мира зависело от него, от его юного подопечного. Старик готовился к своей роли с величайшей тщательностью, и так же тщательно он будет готовить юного Гарри Джеймса Поттера. ***— Мне неприятно это слышать, Мирддин! — проговорил Гарри, голос его звучал резко, как удар грома. За все время, что он жил со стариком, он никогда не был так зол. Впервые он назвал Мирддина по имени, словно подчеркивая разрыв между ними. — Он вызвался добровольцем, парень, — спокойно ответил Мирддин. — И с его магией он может защитить себя гораздо лучше, чем ты сам, если бы я оставил тебя в такой же ситуации. — Дело не в этом, сэр, — огрызнулся Гарри. — Он — живое разумное существо! Никто не заслуживает такого обращения! Даже самые низкие из неразумных существ! Мирддин, или Мерлин, как его еще называли, знал, что с его юным учеником будет непросто. Он видел, как Гарри начал понимать, что его подменили в семье Дурслей, что его исчезновение скрывали от Дамблдора, и решил начать разговор, когда они пили чай, в перерывах между занятиями. Он не ожидал, что Гарри будет настолько взбешен, что вскочит со стула, сжав кулаки, глаза его пылали яростью. Он понял, что могло бы произойти, если бы он подождал, пока Гарри станет старше, пока его магическое ядро не станет мощнее. — Гарри, я очень горжусь тобой за то, что ты так себя чувствуешь, — сказал Мирддин. — Но я дал Добби шанс увидеть, что ты сделал или мог сделать для него в мае 1993 года. И еще несколько лет после этого. — Он знает, что ты освободил бы его, он знает, что ты относился к нему как к другу, и он знает, что ты любишь или будешь любить его, хотя вы еще не встречались. Пожалуйста, поверьте мне, когда я говорю, что издевательства, которым он подвергся бы в доме Малфоев, гораздо хуже, чем это. — Я понимаю, почему вы это сделали, сэр, — пробормотал Гарри, ходя взад-вперед по комнате. — Я понимаю, что вы использовали очень сильное зелье, чтобы превратить его в меня, и что вы будете продолжать давать ему зелье, пока мы не поменяемся обратно. Я понимаю, что вы научили его, какими были мои манеры и речь в то время и какими они станут после того, как я остался ночевать в "Ликерном котле" в ночь перед поездом в Хогвартс. Я понимаю, что он сможет воспользоваться противоядием от зелья Полюса, как только мы поменяемся местами. И я понимаю, что все это необходимо для того, чтобы Альбус Флиппин Дамблдор не обнаружил, что я пропал. Наклонившись вперед, Мирддин сказал: — Ты еще не все продумал, парень. Что значит для Добби возможность выполнять свою роль. Гарри остановился и уставился на своего учителя. Но старик видел, что мальчик перед ним лихорадочно обдумывает ситуацию. Он знал, что Гарри достаточно спокоен, чтобы понять, что учитель пытается его чему-то научить. Или, по крайней мере, пытается заставить Гарри догадаться об этом самостоятельно. Через

несколько мгновений Гарри быстро покачал головой и сказал: — Нет, я не вижу. Объясни, пожалуйста. Вместо прямого ответа Мирддин спросил: — Как домовые эльфы связывают себя узами брака, Гарри? И каковы требования? Гарри на мгновение задумался, прежде чем ответить: — Домовые эльфы связывают себя узами брака с отдельным хозяином или хозяйкой, с домом или... Когда Гарри сделал паузу, глядя в сторону, старик увидел, что мальчик начинает понимать. — Эльфы связаны друг с другом узами брака и обязаны приходить по вызову без колебаний, — сказал Гарри, успокаиваясь и напряженно размышляя. — Это значит, что если Добби... был... все еще связан с Малфоями, то он должен был бы немедленно вернуться в поместье Малfoy, когда его позовут. — Да. Значит... — подбодрил старик. — Значит, идея Добби выдать себя за меня провалится при первом же его вызове, так как Малfoy увидят его в полиуюидной форме... — сказал Гарри, уже более спокойно. — И он также рухнет в первый же раз, если это произойдет на глазах у всех Дурслей. — Значит, единственное возможное объяснение... — спросил старик. — Добби больше не связан с Малфоями! — ответил Гарри с удивлением. — Верно, парень! — обрадовался Мирддин. — Я снял эту связь, когда привел его сюда. — Значит, теперь он связан с тобой? — спросил Гарри. — Нет, Добби теперь свободный эльф, — ответил Мирддин. — Я освободил его на девять лет раньше, чем это сделал бы ты, после инцидента в Тайной комнате. Гарри задумался на несколько мгновений, прежде чем сказать: — Значит, когда ты сказал, что Добби вызвался занять мое место, он сделал это, когда был свободным эльфом. Это было полностью его решение. Он действительно вызвался! — Верно, — улыбнулся старик. — Но разве Малfoy не заметили бы его отсутствие, когда он был вызван в первый раз? — спросил Гарри. — Разве это не показало бы, что что-то не так? — Нет, парень, — ответил старик. В мире, где магия сплеталась с повседневностью, считалось, что связь между волшебником и его эльфом могла быть разорвана лишь тремя способами: добровольная передача, наследственная преемственность или смерть эльфа. Четвертый способ — насильственная разлука — был невозможен. — Малfoy знают, что ни один из первых трех вариантов не имел места, — прошептал Гарри, его голос был тих, но полон решимости. — Значит, остается лишь один вывод — Добби погиб. Либо его убили, либо он умер от какой-то эльфийской болезни, о которой мы ничего не знаем. Такое случается, — добавил он, с горечью в голосе. — Я подтолкнул их к этой мысли, посеял зерно сомнения в их сознание, пока они спали. Гарри откинулся в кресле, его взгляд устремился вдаль, будто он видел перед собой маленького эльфа с огромными, полными грусти глазами. — Мы должны этому маленькому эльфу больше, чем когда-либо сможем отплатить, — прошептал он, голос его дрогнул от невысказанной боли. — И я уверен, что после твоего возвращения мы с тобой сделаем все возможное, чтобы совершить этот невозможный подвиг, — ответил Мирддин, его голос звучал мягко, но твердо. — Ну что, вернемся к чаю? — спросил он, вставая. — Хотя я думаю, что нам нужен новый котел.